

АРУТЮНОВА Н. Д.

ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ЦИТАЦИЯ

(К проблеме чужой речи)

*Наталье Юльевне Шведовой
в год ее творческого юбилея*

Термин «диалогическая цитация» мы относим к случаям использования реплик собеседника (или их фрагментов) в иных (обычно оппозиционных) коммуникативных целях. Например: *П о п о в а*. Позвольте, так кто же, по-вашему, верен и постоянен в любви? Не мужчина ли? Смирнов. Да-с, мужчина! *П о п о в а*. Мужчина! (злой смех). *Мужчина верен и постоянен в любви!* Скажите какая новость! (Чехов); *К у п ц ы*. Не погуби, Антон Антонович! *Г о р о д н и ч и й*. *Не погуби!* теперь: *не погуби!* а прежде что? я бы вас... (Гоголь). Реплика говорящего обращается к нему и против него. Цитация — это коммуникативный бумеранг. Она представляет собой компонент вербальной реакции на высказывание говорящего¹.

Цитация извлекается из речи собеседника. Поскольку оригинал непосредственно дан в текущем диалоге, источник обычно не указывается. Основные свойства цитации проистекают из того, что она входит в диалогический контекст. В классическом случае цитация — это ход в игре на две руки. Этим она отличается от *ц и т и р о в а н и я* — введения в текст фрагментов других текстов. Прагматическая ситуация цитирования вовлекает по крайней мере трех участников: говорящего (автора текста), адресата и автора цитаты.

Цитация выражает реакцию на реплику говорящего, и она прямо связана с диалогическими (можно было бы сказать «прагматическими») модальностями — согласием и несогласием (унисоном и диссонансом)², а также с различной диалогической тактикой [3, 4]. Заключая свое фундаментальное исследование диалогической речи, Н. Ю. Шведова пишет: «Изученный материал показывает, насколько богаты собственно конструктивные средства для выражения разных оттенков несогласия, отрицания, неодобрения» [2, с. 362]. Цитация ставит говорящего в оппозицию к собеседнику. Протест может быть вызван такими параметрами воспроизводимой чужой речи, как истинность, обоснованность, уместность, адекватность, корректность, ясность, стилевые характеристики, выбор слов, способ обращения и т. п. Он может быть направлен против выраженной в чужой речи точки зрения, оценки, решения, жизненной или коммуникативной позиции. Характеризуя функции повторов с различными модальными частицами, Н. Ю. Шведова отмечает, что они «объединяются широким кругом разнообразных оттенков отрицательного отношения к сказанному или к предмету речи» [1, с. 73]. Вот характерный пример диалогического протеста, выраженного цитацией: *Н и н а*. А вас... тетя Аня *послала* белье сторожить? *С е р г е й И л ь и ч*. Что ты все, *послала!*

¹ Виды формальной и семантической зависимости вторых реплик диалога от инициальных высказываний подробно описаны Н. Ю. Шведовой [1, 2], которая впервые убедительно показала, что вторые реплики-повторы «образуют систему своеобразных синтаксических единиц разговорной речи» [2, с. 360]. Автор отмечает и наличие у них интонационных особенностей, однако эта проблема не входит в число основных задач ее исследования.

² В диссертации А. Р. Балаева проанализирована роль цитатного реплицирования в диалогах полемического, «унисонного» и ситуативно-ориентированного типов [4, с. 60 и сл.]. В ней также дается схема видов «отраженной» речи [4, с. 68].

В милицию — *послала*, в булочную — *послала*, белье стеречь — *послала*. Меня так больно не пошлешь (Л. Петрушевская).

Явление диалогической цитации разнородно и не имеет четких контуров. Цитация граничит с рядом сходных явлений, таких, как цитирование, прямая, косвенная и несобственно прямая речь, повторы, подхваты и переспросы, литературные реминисценции и др. Хотя граница между этими явлениями не всегда может быть проведена четко, между ними существуют различия. Эти различия относятся к грамматическому, интонационному, функциональному, семантическому и прагматическому планам, т. е. к объему и степени сохранности (соответственно искаженности) чужой речи, целям ее введения в текст, а также к степени и способу ее выделенности из новой для нее «среды обитания». Максимум слияния представлен некоторыми видами литературных реминисценций, в особенности «поглощенной» чужой речью. Чужое слово органически «приживается» на новом месте, которое становится для него своим. Вместе с тем чужая речь не присваивается говорящим. Для автора желательно, чтобы адресат (читатель) уловил взаимодействие разных текстов, разных личных сфер³. Пушкин, например, иногда выделял курсивом используемую им чужую речь, ср. в характеристике поэзии Ленского: Он шел разлуку и печаль И *ничто* и *туманну даль* (Евгений Онегин, II, X) [7, с. 190].

Диалогическая цитация, как будет показано ниже, дает примеры разной степени координации чужой речи с новой для нее средой, а также разных способов ее выделения. В настоящей статье будут рассмотрены три вида диалогической цитации: повторы и передразнивание, цитатные вопросы, контрастивное отрицание. В заключение будет высказано несколько соображений о связности диалога.

I

Самым простым и прямым видом цитации являются повторы и передразнивание. Жертвой передразнивания может быть не только собеседник, но и постороннее лицо.

Интонация воспроизводимой речи всегда значима. Она выявляет (или фальсифицирует) ее подтекст. Говоря об изменении интонации как о признаке переданной речи, Н. Ю. Сахарова отмечает, что она выражает субъективную оценку слов собеседника: возмущение, удивление, раздражение и т. п. [8, с. 152].

Передача чужих слов — это высказывание о высказывании, или, в терминологии Р. О. Якобсона, сообщение о сообщении [9, с. 95]. Происходит интонационное травестирование реплики: к чужому высказыванию прибавляется суперсегментный (просодический) предикат оценки (субъективного отношения).

При интонационном травестировании используется особая, причем распределенная по типам, интонация. Н. Ю. Шведова отметила, что «многие повторы вообще могут произноситься только с какой-либо одной интонацией» [2, с. 362]. Из интонации повторов, и это отличает их от переспросов — с одной стороны, и от передразнивания — с другой, исключен коммуникативный импульс: интонация не придает высказыванию значения вопроса, утверждения, побуждения, ответа на вопрос. Вместо обычного коммуникативного значения в реплику вставлено диалогическое «жалю». Поэтому вслед за повтором может следовать собственно утверждение или вопрос. Например: — Ты не видишь, что мы погибаем? — *Погибаем, погибаем! Захныкал! Да, погибаем!* И погибнем, если будем хныкать, а не действовать.

Воспроизведение чужой речи допускает отклонения от оригинала. Это живой и вольный способ реагирования, и он поэтому не придерживается жесткой нормы. Однако существуют определенные правила сокращения, распределенные по типам. Наиболее распространенный способ сокращения высказывания состоит в его редукции к реме и, прежде всего,

³ Проблемы диалогизации художественного текста были поставлены и рассмотрены М. М. Бахтиным [5, 6].

в устранении подлежащего. Вопрос, который часто вызывает протест самой своей коммуникативной установкой, регулярно сводится к вопросительному слову; например: — Мы никогда об этом и не говорим. — «Не говорим!» Ты думаешь достаточно не говорить? (Ф. Вигдорова); Иванов у вас где спит? — Зачем он тебе? — «Зачем». Вопросыки задаешь (Ф. Вигдорова). Для ряда типов допускается изменение лица в соответствии с условиями текущего речевого акта.

Хотя прагматическая ситуация дает возможность достаточно определенно интерпретировать цитацию, говорящий нередко прибегает к комментарию. Последний может следовать за цитацией, предшествовать ей и ее обрамлять. Многие комментарии имеют вид стандартизованных реплик. Например: — Хочешь откровенно? — Нет. Ну скажи сама, какой взрослый будет с мальчишкой разговаривать на равных? «Хочешь откровенно?» *Какая же с мальчишкой может быть откровенность?* (К. Финн); — Отдай пистолет! — *Заладил!* Все отнимала, отнимала судьба моя. *А теперь вот и последнее.* «Отдай пистолет» (К. Финн.).

Цитацией в диалоге достигается эффект рикошета. Возврат реплики означает ее неприятие, отпор. Отпор, как отмечалось, может быть вызван разными аспектами высказывания. Наиболее важно для данного типа указание на неправильность позиции собеседника — жизненной или коммуникативной. «Чужое слово» принимается как знак некоторой жизненной установки, предопределяющей линию поведения. Если установка не выражена четко, адресат стремится ее выявить: — Не скажу! — *Не скажу.* Что кроется за твоим «не скажу»? Можно было бы даже спросить: «Что ты хочешь сказать этим своим «не скажу»? и такой вопрос относился бы не к утаенной информации, а к утаенным взглядам и намерениям.

Как явствует из сказанного, определяющими для типизации диалогических цитаций этого разряда являются следующие факторы: цитатная выборка и обработка, в частности, двоякость повтора, интонация, с которой воспроизводится реплика собеседника, коммуникативная цель цитации. Одна и та же реплика-повтор может в зависимости от испытываемых ею модификаций входить в разные разряды. Двигаясь от наиболее нейтральной и наименее оппозиционной по отношению к собеседнику цитации (повтора) в направлении к наиболее ее маркированной форме (лжеимитации), можно выделить пять опорных типов диалогической цитации⁴. Промежуточные состояния реплик, а также разные виды переспросов нами не учитываются.

1. Нейтральная цитация, или повтор. Этот тип совпадает со значительной частью описанных Н. Ю. Шведовой собственно повторов [2, с. 300 и сл.]. Цель повтора — замедлить темп диалога, выиграть время для обдумывания реплики собеседника и ответа на нее. Обычно реплика воспроизводится полностью или с небольшими усечениями. Но если она стоит во втором лице, то оно «пересчитывается» на первое: — Куда ты ходил вчера? — *Куда я ходил...* Дай вспомнить, кажется, в библиотеку; — А вы как это нас разыскали? — *Как разыскала?* А так и разыскала. Ходила, ходила и нашла (пример заимствован у Н. Ю. Шведовой [2, с. 301]). Просодически повтор выделен переходом на более высокий уровень базового тона и напряженным голосом. Интонация ровная, лишённая модуляций. Особенно важно то, что в интонации отсутствует выражающее иллокутивную силу (коммуникативную цель) скольжение тона. Весь повтор представлен как единый речевой блок (интонация называния). Это как бы отрешенная, машинальная интонация размышления. Произнося, например, вопрос, говорящий сосредоточен уже не на нем, а на ответе. Поэтому из вопроса ушел «живой голос» человеческой коммуникации. Повтор этого типа в известном смысле заполняет диалогическую паузу, длина которой не может превосходить известных пределов. Иначе она перейдет в тягостное молчание.

⁴ Здесь и далее все наблюдения над просодикой, само выделение интонационных типов, а также термин «лжеимитация» принадлежат С. В. Кодзасову, которому автор приносит искреннюю благодарность за помощь

2. Экспрессивная цитация. Она выражает отрицательное отношение к реплике собеседника или зафиксированной в ней жизненной позиции. Реплика-источник может быть воспроизведена полностью, но чаще из нее выбирается тот компонент, который стимулировал отрицательную реакцию, например, форма обращения: *Х а з о в*. А я больше не буду хулиганичать, маманя. *Н а с т а с ь я*. *Маманя!* Какая я тебе к бесу маманя? (хватает грабли). Я вот сейчас тебе такую «маманию» покажу! (Ю. Чепурин); — Видите ли, в чем тут дело: вот эта вот гражданка. — Вы уж прямо как враги — «гражданка». Соседи ведь (В. Шукшин); — Не дури, мне тебя слушать стыдно. — Ты с кем разговариваешь? Ты с капитаном разговариваешь. «Не дури!»

Просодика цитации определяется эмоциональным озвучиванием нейтральной интонации названия: эмоции как бы накладываются на ровный интонационный «грунт». Эффект эмоциональности создается фонетическими и артикуляционными изменениями (качеством голоса и сдвигом вперед артикуляции). Коммуникативная опустошенность интонации компенсируется эмоциональными наполнителями. Напряженность голоса характерна и для этого типа.

Вот еще несколько примеров экспрессивной цитации: *П о п о в а*. Лжете! Почему вы не хотите драться? *С м и р н о в*. Потому что... потому что вы... мне нравитесь. *П о п о в а*. *Я ему нравлюсь!* Он смеет говорить, что я ему нравлюсь (Чехов); *П о п о в а*. Неумно и грубо. *С м и р н о в* (дразнит). *Неумно и грубо!* Я не умею держать себя в женском обществе (Чехов); *Л о м о в*. Сердцебиение... Нога отнялась... Не могу. *Н а т а л ь я С т е п а н о в н а* (дразнит). *Сердцебиение...* Какой вы охотник? Вам на кухне на печи лежать, да тараканов давить, а не лисич травить! *Сердцебиение* (Чехов).

Экспрессивная цитация часто используется в целях активного воздействия на собеседника: — Пускай уходит! — *Пускай уходит!* Это легко сказать — пускай уходит! Его сюда привели, чтобы вы сумели воспитать его человеком, а вы говорите — *пускай уходит* (Ф. Вигдорова); — Не лягу я, — начал было Катаев. — Я тебе дам «не лягу»! — взорвалась Лючия Ринальдовна (Ф. Вигдорова); *Ладно!* — Это как так ладно? Он перед твоим носом кулачищем трясет, а ты «ладно» (Ю. Чепурин).

Тогда, когда отводится позиция собеседника, выраженная реактивной репликой, экспрессивная цитация соприкасается с элиминирующим отрицанием или заменяется им: *Н и н а*. Да пусть чай пьет. *Г р а н я*. *Не пусть чай пьет! Не пусть чай пьет!* Решительная какая (Л. Петрушевская); ср. следующие реакции на реакции: Не «пусть»; Не «ну да»; *Вовсе не «что поделаешь»; Вот и не «как знаешь»; И не «наплевать».* И здесь цель реплики воздействовать на собеседника, а не просто с ним не согласиться. В этом последнем случае говорящий сказал бы «А мне не наплевать»⁵.

3. Парная цитация пресечения. Это стандартная для фамильярной речи реакция на нытье, жалобы, домогательства, вопросы об очевидном, пустые угрозы. Ее цель — прекратить разговор или изменить его направление. Реплика-источник сводится к одному (желательно короткому) компоненту. Просодика создается исключением из интонации иллюкутивной силы. На ровную интонацию названия, объединяющую части повтора, наложены негативизирующие ее черты недовольства, презрительности. Артикуляция смещена вперед, тон напряженный, возможно растягивание, пародирующее монотонность речи собеседника. Например: — Учишь тебя, учишь, а все без толку. — *Без толку, без толку.* Заладил; — Заплачьте, Полина Андреевна. — Ну что ты пристала? *Заплачьте, заплачьте.* Разве мое горе слезами выплачешь? (К. Финн). — Разводиться нам пора. — *Пора, пора.* Да, пора!

Парное передразнивание — это отпор, вызванный коммуникативной позицией говорящего — его ворчаньем, упреками, «блефом» и т. п. Следующее за передразниванием согласие неожиданно для собеседника,

⁵ Знак * означает падение тона в два интервала; знак ^{||} означает двойной акцент.

рассчитывающего на уступку, возражение, спор, но не на унисон. Унисон, впрочем, здесь мнимый. Его цель — вышибить собеседника из занятых им коммуникативных позиций, показать ему, что он не хочет того, чего якобы добивается, и не думает того, что говорит.

4. **Парная цитация неодобрения.** Цель передразнивания — указать собеседнику на неадекватность, неэтичность и пр. занятой им коммуникативной или жизненной позиции. Большой частью в данном типе речь идет именно о жизненной установке, между тем как в предыдущем разряде имеется в виду прежде всего коммуникативное поведение собеседника. Сокращение реплики-источника происходит так же, как и в предшествующей категории. Иллокутивная сила не всегда полностью выключена из интонации. Говорящий может сочетать ее с выражением осуждения, неудовольствия, презрения, достигаемым сдвинутостью артикуляции в переднюю часть ротовой полости. Части повтора не объединены в единый блок. Для просодики характерна ступенчатая интонация: первый повтор произносится более высоким тоном, чем второй. Ступенчатость может достигаться различием в уровне акцентуации. Как и во всех предыдущих типах, используется напряженный голос. Например: — *А может не надо?* — *Не знаю.* — *«Не знаю», «не знаю», все я одна должна решать;* — *Я никуда не поеду.* — *«Не поеду», «не поеду». А что же делать с билетом?*

Как показывают примеры, первое лицо говорящего не преобразуется во второе лицо адресата, что является верным знаком передразнивания, сближающим его с пародированием. Упомянутые типы парной цитации близки между собой.

5. **Лжеимитация, или пародирование.** Объектом пародирования служит проявившее себя в первичном высказывании свойство говорящего (угодливость, сентиментальность, барственность и пр.). Высказывание воспроизводится полностью и обычно без коррекции. Его иллокутивные черты сохранены. Пародирование достигается изменением фонации и артикуляционной базы. Субъект речи перестраивает себя по модели другого человека, он как бы в него трансформируется, одновременно выделяя и утрируя проявляемые в его речи психологические и поведенческие характеристики и создавая тем самым речевую карикатуру или дружеский шарж.

Например: *Купцы.* Не погуби, Антон Антонович! *Городничий.* *Не погуби!* Теперь: *не погуби!* а прежде что? Я бы вас... (Гоголь); *Подколесин.* Ну полно, я еду — чего же ты раскричался? *Кочкарев.* *Еду!* Конечно, что же другое делать, как не ехать! (Гоголь); *Лука.* Барыня больны и не принимают. *Смирнов.* Пошел. *Больны и не принимают!* (Чехов); — Ну и прыгал ты! Боже! «Селодочку, коньячку, может, еще рюмочку». Не главный крупного завода, а официантик (Р. Самулявичюс).

Пародируя чужую речь, говорящий часто ставит под сомнение подлинность ее эмоциональной «упаковки». Он низводит жалобы до уровня нытья, чувствительность превращает в сентиментальность, твердость в резкость, сочувствие в лицемерие, просьбу в попрошайничество, настойчивость в настырность, скромность в «вечно он приbedняется», торжественность в напыщенность, услужливость в прислуживание и т.п. Каждая «диалогическая эмоция» имеет своего теневого двойника.

Покажем теперь различие приведенных типов на примере одной простой реплики, содержащей прокомментированную диалогическую цитацию. |

1. — Куда это ты идешь? — *Куда я иду...* Просто погулять вышел; 2. — Куда это ты идешь? — *Куда иду!* Еще спрашиваешь. За хлебом иду. Ведь ты не купил; 3. — Куда это ты идешь? — *Куда, куда.* Сам ведь знаешь; 4. — Куда это ты идешь? — «Куда идешь», «куда идешь» — Все-то тебе про меня знать нужно; 5. — Куда это ты идешь? — «Куда это ты идешь?» Что это ты так вкрадчиво со мной разговаривать стал?

Цитатные вопросы всегда представляют собой реакцию на предшествующее высказывание, из которого и происходит заимствование «чужих слов». Это — вопросы о высказывании. Диалогическая реакция больше, чем инициальные реплики, predisposed к выражению модальных значений. Не случайно в русском языке большинство частных вопросов в исходной позиции выражают информационное требование, а в позиции ответной реплики развивают модальные значения согласия, возражения, протеста и т. п. Например, *когда*-реплики отрицают истинность утверждения, относящегося к прошлому (— Ты с ним виделся? — Когда это я с ним виделся?); *где*-реплики отрицают существование объекта (Где теперь Суворовы? Где ты видел льва вегетарианца?), *откуда*-реплики отрицают наличие надежного источника информации (Откуда ты это взял? или просто Откуда?). Вопросы могут быть эквивалентны утвердительному ответу, осложненному указанием на очевидность запрашиваемой информации (Ты домой? — Куда же еще?; Это ты сделал? — Я. Кто же еще?) [10].

Цитатные вопросы могут быть ориентированы на выраженную в предшествующей реплике пропозицию или ее часть: (— Смешно. — *Что — смешно?* = Что именно в этом смешного?). Они могут быть ориентированы и на модус полагания предшествующей реплики (— Смешно. — *Почему смешно?* = Почему ты считаешь это смешным?). В первом случае реакция направлена на само утверждение; во втором случае спрашивающий ставит под сомнение основания для утверждения или для исходной предпосылки вопроса. Вопросы, обращенные к модусу полагания, постепенно становятся эквивалентами ответного высказывания с обратным (сравнительно с предшествующей репликой) знаком. Тем самым частная реакция на модус полагания превращается в общую модальную реакцию на пропозицию (— Ты не выполнил моей просьбы? — Почему не выполнил? Выполнил). Цитатный вопрос, относящийся к модусу, в общем случае не требует ответа. Если же апелляция к модусу выражена, она рассчитана на эксплицитный ответ: Ю л я. Вы, должно быть, сегодня не обедали. Х р у щ о в. *Почему вы это думаете?* Ю л я. *Сердиты вы уж очень* (Чехов); К л е о п а т р а. Они с каждым днем все больше распускаются, ваши социалисты. П о л и н а. *Почему вы думаете, что он социалист?* К л е о п а т р а. *Уж я вижу. Все порядочные рабочие — социалисты* (М. Горький).

Рассмотрим цитатные вопросы, начинающиеся вопросительными местоимениями *что* и *как*. Ни то, ни другое местоимение в цитатном вопросе не замещает члена предложения, хотя оба типа вопросов относятся именно к пропозиции, а не к модусу полагания. Наиболее простой тип цитатного вопроса — *что-вопрос* — это обращенное к собеседнику требование продолжить, дополнить, уточнить, разъяснить, интерпретировать, довести до логического конца реплику или высказывание [1, с. 79]. Вопрос этого типа возникает в ситуации действительного непонимания или недопонимания, а также в ситуации недомолвки, намека. Он, поэтому, не может быть оставлен без ответа. Вопросительное местоимение не соотносится с позицией актанта (подлежащего, дополнений). Поэтому его сочетаемость не ограничена глаголами, имеющими соответствующие валентности: — Послушай, — сказала мне Галя еще в начале лета, я давно хотела, да как-то не пришлось... А сейчас — не знаю — не поздно ли будет? — *Что «поздно»?* — Я хотела бы посадить деревце, яблоню (Ф. Вигдорова); К о л я. Ну? П о л и н а А н д р е е в н а. *Что «ну»?* К о л я. Как получилось? П о л и н а А н д р е е в н а. *Что получилось?* К о л я. «Что» да «что!» Да улыбка же. Я ведь улыбаюсь, так ты велела (К. Финн.); — Отец наказал: как была на его иждивении, так и будешь, пока на ноги не встала. — Не-у-же-ли? — по слогам как странно спросила Настя, что Серафима Игнатьевна не поняла. — *Что «неужели»?* — Именно так и наказал передать? Про иждивение (М. Прилежаева); Д м и т р и й Б о р и с о в и ч. Ты напрасно думаешь, что в личной

жизни у меня не хватит характера, если придется его проявить. З о я В а с и л ь е в н а. Уже. Д м и т р и й Б о р и с о в и ч. Что «уже»? З о я В а с и л ь е в н а. Давай, давай характер! Самое время (К. Финн). Но и там, где непонимание связано с дополнением глагола, вопросительное местоимение не занимает его синтаксической позиции: Петровых протянул руку: — Давай, — Что «давай»? — Комсомольский билет. Сниму с учета (М. Прилежаева). Если бы вопрос прямо относился к дополнению, он имел бы другую форму. — Давай! — *Что тебе дать?* (*Что ты хочешь, чтобы я тебе дал?*).

Если неясным остается смысл или коммуникативная цель высказывания (а не его тема), то цитация может вводиться глаголом *значить*. В о й н и ц к и й. Она мой друг. Ф е д о р И в а н о в и ч. Уже? Войницкий. Что *значит* это «уже»? Ф е д о р И в а н о в и ч. Женщина может быть другом мужчины только под таким условием: сначала приятель, потом любовница, а затем уже друг (Чехов); П о л и н а А н д р е е в н а. Сейчас. Л о ж е ч к о. Что *значит* «сейчас»? (К. Финн). Чужая речь — она может быть сокращена до любого элемента — берется со стороны ее актуального смысла: адресат не уловил не кодовое, а речевое значение слова. Об этом иногда сигнализирует дейктическое местоимение (Что *значит это* «уже?»). Цитируемое слово берется не как изолированная (лексикографическая) единица, а как реплика или ее представитель.

В собственно цитатном вопросе и вопросительное местоимение и цитация равноударны: Что «уже»? Цитата произносится напряженным голосом. Это отличает ее от анафорического повтора, встречающегося как в диалоге, так и в монологической речи. Для анафорического повтора характерно не только отсутствие напряжения голоса, но и его понижение: П о л и н а. Ах, Таня, ты раздражаешь! Если мы не закроем — рабочие делают стачку, и это будет хуже. Т а т ь я н а. *Что́ будет хуже?* П о л и н а. Все вообще (М. Горький). Понижение громкости голоса противопоставляет анафорический повтор дейктическому употреблению слова: Вот *дом*, который построил Джек. В этом *доме* живет вся его семья. В первом предложении *дом* несет на себе сильное ударение и произносится с повышенной громкостью. Во втором ударение ослаблено и громкость голоса снижена (наблюдение С. В. Кудзасова). По-видимому, акцентная схема цитатных вопросов обусловлена тем, что вопросительное местоимение не соотносительно с определенной синтаксической позицией, вследствие чего между компонентами вопроса отсутствует прямая синтаксическая связь. «Связные» вопросы, в отличие от «бессвязных» (цитатных), задаются только в ситуации возражения, предполагающей, что адресат не согласен с оценкой говорящего. В них вопросительное местоимение не несет на себе сильного ударения; ср.: Что «странно»? и Что же тут странного?

Близка к *что*-вопросам диалогическая реакция, выраженная репликами с вопросительным местоимением *как*, часто осложненным частицами (*как же, как то есть, то есть как, как это, как так, как же так, то есть, как же это так*) [1, с. 72, 78]. Местоимение и здесь ударно. Оно не замечает позиции обстоятельства образа действия и может вводить вопросы, в которых позиция обстоятельства либо вообще невозможна, либо уже замещена: *Как не нужно? Как ключом (пешком, верхом и т. п.)?* В отличие от частных вопросов цитатные *как*-вопросы содержат только ту часть предшествующей реплики, которая принимается адресатом за рему. В цитатном вопросе не фигурирует целиком взятая пропозиция, ср.: *Как же они ушли?* — Через забор и *Как ушли?* — Вот так. Взяли да ушли. Таким образом, частные и цитатные *как*-вопросы формально различны и их нельзя спутать. Интерпретация цитатного вопроса как частного делается нарочито и переключает диалог в план коммуникативной игры. Это хорошо видно в следующих примерах, в которых назначение реплики уточнено требующей интерпретации частицей *то есть*: Мой Сережа в данный момент чистит папу. — *То есть как чистит папу?* — *Столовым ножом*. Папа всегда приезжает с картошки безумно заляпанный (К. Симонов); — Я его выставил. — *То есть как выставил?* — *То есть по форме вежливо, а по существу — бесповоротно* (К. Симонов) [11, с. 121, ср. также 12, с. 326].

Первичное значение *как*-реплики отражает реакцию непонимания или недопонимания, и в этом данный тип сходен с цитатным *что*-вопросом. И тот и другой вопрос требуют ответа, разъяснения: *Под колесин. Вы, сударыня, любите кататься? Агафья Тихоновна. Как-с кататься? Под колесин. На даче очень приятно летом кататься на лодке* (Гоголь); *Хлестаков. Денег нет у вас? Бобчинский. Денег? Как денег? Хлестаков. Взаимы рублей тысячу* (Гоголь); *Пошли похахалим? — Как это? — Ну как? У меня одна есть, скажем ей, она приведет еще* (В. Шукшин).

Ситуация действительного или мнимого непонимания, столь естественная в условиях диалога, стимулирует развитие целого спектра экспрессивных окрашенных реакций, таких, как удивление, обида, позиция оскорбленной невинности, несогласие, возражение, наконец, отпор. Действительное непонимание и нежелание понять выражаются близкими формулами; ср.: *Не понимаю, что ты хочешь этим сказать* и *Не понимаю, как можно так говорить*. Экспрессивное развитие ситуации непонимания характерно для *как*-вопросов, и это отличает их от цитатных вопросов с вопросительным словом *что* (только автономное *Что?!* имеет эмоциональные коннотации).

Психологические механизмы, связывающие непонимание с производными от него эмоциональными реакциями, не сложны. Удивление дает основание заподозрить, что сообщение было неправильно понято или истолковано: *Теперь ведь Zubовской площади нет. — Как нет Zubовской площади? — Есть площадь Шолохова. Может быть представлена как непонимание и обида, возмущение («Не могу допустить, чтобы вы могли это сказать; возможно, я неверно вас понял»): Агафья Тихоновна. Ничего-с, ничего... Я не того-с... Пошли вон! Я и чница. Как пошли вон? Что это такое значит: пошли вон? Позвольте узнать, что вы разумеете под этим? (Гоголь); Кочкарев. Нет, вам совсем не следует жениться. Жевакин. Как так? Кочкарев. Да так. Ну что у вас за фигура, между нами будь сказано? Нога петушья... Жевакин. Петушья? Кочкарев. Конечно, что с вас за вид? Жевакин. То есть как, однако же, петушья нога? Кочкарев. Да просто петушья* (Гоголь).

Может быть представлена как непонимание и растерянность, нежелание выполнить предъявляемое требование: *Кочкарев. Ну, послушай, Иван Кузьмич, не упрямысь, душенька, женись теперь. Под колесин. Помилуй, брат, что ты говоришь? Как же теперь? (Гоголь); Фекла. Сегодня же иные и придут. Я забежала нарочно тебя предварить. Агафья Тихоновна. Как же сегодня? Душа моя, Фекла Ивановна, я боюсь* (Гоголь).

Следующий шаг в развитии этого значения — отказ, возражение или протест: *Кочкарев. Изъясни ей и открой сию же минуту сердце и требуй руки. Под колесин. Но как же сию минуту? Что ты! (Гоголь); Зоя Васильевна. Тогда уходи. Дмитрий Борисович. То есть, как это «уходи»? Куда мне уйти? (К. Финн); — Ему не до свеклы сейчас, — прибавил Витязь. — Как это не до свеклы? Человеку всегда до свеклы (Ф. Вигдорова); Надя. Но почему же невозможно? Ведь это от вас зависит? Бобоедов. От меня... то есть — от закона. Надя. Ну, какой там закон! Пустите... Я вас прошу! Бобоедов. Как это — какой закон? И вы тоже закон отрицаете? Ай-ай-ай (М. Горький); Жевакин. Если так, жените меня на здешней хозяйке. Кочкарев. Вас? Да зачем вам жениться? Жевакин. Как зачем? Вот, позвольте заметить, странный немножко вопрос. А известное дело зачем (Гоголь).*

Практически во всех случаях *как*-реплика может быть интерпретирована в терминах «непонимания»: «не понимаю, как можно так поступать» «не понимаю, как ты можешь это от меня требовать», «не понимаю, зачем задавать глупые вопросы», «не понимаю, как можно так думать» и т. п.

Вопросительное слово в анализируемых репликах вводит речевой акт. Если это утверждение, его представляет рема, вопрос может быть сокращен до вопросительного слова, директивный речевой акт сводится к императиву. Если реплика ограничена вопросительным местоимением (*Как?!*) — обыч-

но это своего рода речевый жест, выражающий изумление, возмущение, гнев, радость и подобные эмоции.

Ярким примером цитатных вопросов, ориентированных на модус полагания (глаголы мнения), являются *почему*-реплики⁶: Бананы, что — кончатся? — *Почему кончатся?* Вон еще сколько! Не видите? Вопрос относится не к причинам «истощения» запасов бананов, а к основаниям мнения: *Почему кончатся?* = Почему вы считаете (думаете, полагаете), что бананы кончатся? По системе Ш. Балли, это частный вопрос к модусу [13, с. 47]. Отнесенность причинного вопроса к пропозициональной установке мнения особенно очевидна в тех случаях, когда сама пропозиция, ее предикат, не допускает каузальных связей: — Он что, сват или брат Мазепе? — *Почему?* — Горой за него стоит, покрывает (Г. Можяев). Родственные отношения имеют следствия, но не причины. Поэтому вопрос не может быть истолкован иначе, как в связи с модусом полагания. *Почему*-реплики не могут быть вызваны утверждениями, касающимися собственного состояния говорящего. И это легко понять: сообщения типа *Я голоден, Я хочу спать* не нуждаются в мотивировке и не сочетаются с пропозициональной установкой мнения. Нельзя сказать **Я считаю, что я голоден (что мне холодно, что я хочу спать)*. Поэтому вслед за утверждениями приведенного выше типа не может следовать *почему*-реплика. Содержащаяся в утверждении пропозиция также не стимулирует причинный вопрос. Сообщения о психическом состоянии типа *Мне грустно (весело, тошно, боязно)* могут вызвать причинный вопрос, относящийся к самой пропозиции (*Чему ты радуешься? Почему тебе весело?*). Предложения типа *Мне неловко (неудобно) сказать это* относятся не только к произвольному состоянию говорящего, но и к его представлениям о корректном поведении. В зависимости от того, что именно подразумевается в сообщении — состояние или мнение, интерпретируется следующий за сообщением причинный вопрос: — Мне перед ним неловко. — *Почему неловко?* Вы ничего обидного не сказали (апелляция к модусу полагания). — Мне перед ним неловко? — *Почему вам неловко?* Что вы сделали или сказали? (вопрос о причинах, вызвавших чувство неловкости).

Из приводившихся выше примеров ясно, что *почему*-реплики могут следовать не только за утверждением, но и за вопросом. В этом последнем случае необходимо, чтобы в вопросе содержалось исходное предположение, или установка. На важность этой категории при изучении вопросо-ответных пар было обращено внимание в интересной статье А. Н. Баранова и И. М. Кобозевой [14]. Любопытно отметить, что исходное предположение характерно не только для собственно вопросов, но и для вопросов, используемых в качестве косвенного речевого акта со значением просьбы, в частности при испрашивании разрешения: *Семен Афанасьевич, я зайду к вам?* В голосе Короля и вопрос и утверждение. Так — и проси и утверждая — обычно говорит Костик: «Я пойду гулять?» «Я съем морковку?» (Ф. Вигдорова). Тот, кто «просит, утверждая», не ждет позволения, он лишь оповещает о предстоящем действии: — «Я возьму еще одну? — сказал он, и, не дожидаясь ответа, взял леденец и сунул в карман» (Ф. Вигдорова).

Почему-реплики не могут фигурировать в качестве реакции на дизъюнктивный вопрос, исходящий из равной вероятности противоположенных ситуаций. Так, на вопрос *Ты кончил статью или нет?* нельзя ответить ни репликой *Почему (это) кончил?*, ни репликой *Почему не кончил?* *Почему*-реплики чаще всего употребляются в ответ на вопросы, исходное предположение которых кажется адресату не просто неверным, но вызывает у него протест: — Вы что, конюхом работаете? — *Почему это конюхом?* Трак-

⁶ Этот тип реплик был подробно рассмотрен нами в [3] в контексте проблем модального диалога. Здесь мы лишь резюмируем суть дела, дополнив описание некоторыми новыми наблюдениями. В аналогичной функции используются *откуда*-реплики: *Т а и с а П е т р о в а*. От просто так люди не плачут. *Н и н а*. *Откуда она плакала?* (Л. Петрушевская).

торжеством. Местоимение *что* внутри вопроса указывает на наличие исходного предположения.

Связь *почему*-реплик с вопросами, базирующимися на исходном предположении, а также с нежелательными для адресата мнениями и предположениями можно показать на следующем диалоге, целиком построенном на *почему*-репликах: Л е л я. Может быть, вы заняты? М а р ж е р е т. *Почему занят?* Л е л я. Ну так. Ведь у вас такое большое дело. М а р ж е р е т. *Почему большое?* Л е л я. Ну, как же... мюзик-холл... Столько артистов... трудно. М а р ж е р е т. *Почему трудно?* Л е л я. Как вы смешно разговариваете. М а р ж е р е т. *Почему смешно?* Л е л я. Все время спрашиваете: почему. М а р ж е р е т. Потому что я занят. Л е л я. Вот видите. Я этого и боялась. М а р ж е р е т. *Почему боялись?* Л е л я. Может быть мне уйти? М а р ж е р е т. Уходите /.../ Маржерет. Нет, нет, нет, не годится. Л е л я. Почему? М а р ж е р е т. Неинтересно. Флейта, да. Вы флейтистка? Л е л я. *Почему флейтистка?* М а р ж е р е т. Теперь вы начинаете спрашивать: почему (Ю. Олеша).

Приведенный диалог обнаруживает еще одну черту *почему*-реплик: они во многих случаях вовсе не продвигают диалог, а лишь тормозят его развитие, выражая излишний для делового разговора элемент эмоциональности или отводя течение разговора в боковое русло. В технику и тактику ведения диалога входят как приемы его сжатия, так и правила и способы затягивания, и этому, в частности, служат манипуляции с чужой речью. Затягивание диалога создается реакциями, минуя основной диалогический стимул или подменяющими его другим стимулом. Стимул говорящего перестает совпадать со стимулом для адресата. При наличии такого рода ножниц стимул адресата выделяется в цитацию, освобожденную от контекста: иначе было бы неясно, на какой именно компонент предшествующего высказывания направлена реакция. Поэтому в цитатных вопросах происходит фокусирование на одном определенном элементе. Реакция на рему предыдущей реплики, как и реакция на прочие компоненты высказывания, далеко не всегда соответствует программе говорящего. Делая некоторое сообщение, он дает понять, что имеет основания считать его истинным. Поэтому требование эксплицировать эти основания, содержащиеся в *почему*-репликах, не соответствует ожидаемой реакции. Нарушение программы может преследовать разные цели: иногда это борьба за диалогическое первенство, иногда просто увертка, иногда говорящий нарочно тянет время собеседника, чтобы самому его выиграть, подчас это сброс эмоций.

Почему-реплики используются в ответных реакциях с фиксированным значением возражения, несогласия: — А любви, значит, не было? — *Почему?* Я влюблялся, хотел умереть, потом охладевал, возвращался к жизни и снова влюблялся (А. Алексин). Хотя вопросительное местоимение употреблено изолированно, оно представляет отрицательный цитатный вопрос «Почему не было?» В него может быть вставлена апелляция к модусу мнения: «Почему думаешь, не было?».

В роли ответа на вопрос, просьбу или сообщение могут употребляться и *почему*-реплики, отнесенные не к модусу полагания, а к содержанию самой пропозиции. И эти реплики могут быть ограничены одним вопросительным местоимением, имплицитным как позитивное, так и негативное значение пропозиции: Х л е с т а к о в. Не можете ли вы мне дать триста рублей взаймы? П о ч т м е й с т е р. *Почему же?* Почту на величайшее счастье. Вот-с извольте. От души готов служить (Гоголь).

Почему-ответы (иногда *отчего*-реплики), относящиеся к пропозиции, связывают причину с истинностным значением высказывания. В них часто идет речь о планах на будущее, о принятии решений и предстоящих действиях. Поэтому пропозиция может замещаться знаками отношения к действительности — *да* и *нет*. Эти знаки можно с долей допущения считать диалогическими прономинализаторами пропозиций, взятых со стороны их истинностного значения, точно так же как *это* (в одной из функций) можно расценивать как прономинализатор предложения, взятого в аспекте референции, а *так* — считать прономинализатором смысла предложения

(разумеется, также в одной из функций этого полифункционального местоимения: *Я так думаю; Ты так считаешь?*).

В *почему*-репликах в функции заместителя пропозиции используется только *нет*: *Подколесят*. Помилуй, ты так горячо берешься, как будто бы в самом деле уже и свадьба. *Кочкарев*. *А почему же нет?* Зачем же откладывать? (Гоголь); *Подколят*. Что ты, с ума сошел? Сегодня под венец! *Кочкарев*. *Почему же нет?* (Гоголь); — А что, может вместе еще поплаваем? — С тобой-то — *отчего же нет?* В питатных вопросах возможен эллипсис цитируемого компонента, но не его замена прономинализатором *нет*.

Другое различие между *почему*-ответом, ориентированным на модус полагания, и *почему*-ответом, направленным на пропозицию, состоит в том, что в последнем случае возможна замена личной формы глагола инфинитивом, а в питатном вопросе этого не происходит: *Кочкарев*. Ну, уж это мое дело. Дай мне только слово, что потом не будешь отнекиваться. *Подколят*. *Почему же не дать?* Изволь. Я не отпираюсь: я хочу жениться (Гоголь); — Если хочешь, то объясни, а не хочешь... — *Почему бы мне не хотеть?* (А. Алексин).

Почему-реплики, протестующие против мнения, всегда повторяют его модальность — утвердительную или отрицательную. Это цитация, и она не может корректировать высказывание-источник. Цитатные *почему*-реплики всегда при этом имеют обратное истинностное значение. Они выражают отрицание, возражение, несогласие. С причинным вопросом, ориентированным на пропозицию, дело обстоит сложнее. Если причинный вопрос повторяет утвердительную или отрицательную модальность предшествующей реплики, он рассчитан на возражение. Однако в тех случаях, когда отрицательный вопрос-просьба имеет куртуазный характер, возражение эквивалентно согласию: *Вы не могли бы мне помочь?* — *Почему же нет?* Конечно. Если причинный вопрос меняет модальность на обратную, он выражает согласие или подтверждение; этот случай представлен в основном реакциями на императив: *Скажи, в чем дело?* — *Почему же не сказать?* Скажу.

Есть и другие формальные и содержательные различия между *почему*-реакциями на модус полагания и на пропозицию. Так, первые отдают предпочтение соединению с частицами *это* и *такое*, обладающими коннотацией протеста, возмущения (*Почему так о тебе поздно? Почему это не придет? Непременно придет!*); вторые тяготеют к частицам *же* и *бы* (*Почему же не дать? Почему бы и не помочь?*). Такое распределение не является, однако, жестким. *Почему*-ответы, ориентированные на пропозицию, часто используются в качестве реакции на просьбу, побуждение; сами же они могут выполнять функцию воздействия, убеждения собеседника, если тот колеблется. Их цель показать, что нет причин отступить от прежнего замысла, не совершить некоторого поступка. *Почему*-реплики, относящиеся к модусу полагания, почти исключительно употребляются в качестве реакции на некоторое суждение, истинность которого требует обоснования. Это суждение может соответствовать исходному предположению вопроса. Оно может составлять пресуппозицию утверждения: — *Значит он тоже прицеплялся.* — *Почему «тоже»?* Кого еще ты имеешь в виду? (Ф. Вигдорова). Однако в любом случае речь идет о суждениях или предположениях, имплицитующих пропозициональную установку мнения (полагания).

Мы задержались на вопросе о различиях между двумя типами *почему*-реплик, чтобы подчеркнуть, что, несмотря на такие явления, как омонимия реплик, диффузность их значения, эллиптичность синтаксических конструкций, характерные для речевого употребления, в речи постоянно развивается тенденция к формальной дифференциации коммуникативно значимых смыслов, и оптимальной средой для их размежевания является диалог. Именно в нем формируется грамматика речи, и прежде всего грамматика соединения речевых стимулов и речевых реакций — своего рода диалогический синтаксис (интересные соображения относительно связи реплик см. в [12, 15]).

Может показаться, что контрастивное отрицание, т. е. отрицание, за которым следует противопоставление (позитивное утверждение), далеко отстоит и от цитатных вопросов и от самого феномена цитации. Однако между этими явлениями есть точки соприкосновения.

Выше уже упоминалось, что отвод, неприятие реплики может принимать форму элиминирующего, т. е. как бы зачеркивающего, стирающего реплику отрицания (— Ладно тебе, — *Нет не ладно*). Чтобы зачеркнуть реплику, ее надо воспроизвести. Элиминирующее отрицание отличается от контрастивного лишь тем, что в конструкции не заполнено место противопоставленного позитивного компонента. Однако «свято место пусто не бывает», и такое заполнение в принципе возможно: Деньги нужны. — Сколько? — Не сколько, а дайте (пример взят из [1, с. 75]); — Мне с тобою поговорить надо, Толька. — Ну? — Не «ну», а слушай (В. Кетлинская) (пример из [4]). Уже эти примеры показывают связь контрастивного отрицания и с цитацией и с диалогом.

Контрастивное отрицание, вообще говоря, предназначено для исправления ошибки, заблуждения, неверного представления о действительности и т. п. aberrаций от должного. Оно появляется тогда, когда имеется вербальный или невербализованный, но более или менее четко осознаваемый предтекст, атрибулируемый другому лицу или другому состоянию собственной психики. Связь с предтекстом проявляется в том, что контрастивное отрицание в гораздо большей степени, чем нейтральное, его консервирует, оберегает от воздействия окружающей среды, отделяет от нее. Об этом свидетельствуют почти все различительные признаки, выделенные И. М. Богуславским, сопоставившим синтаксическое поведение этих двух типов негации. Контрастивный контекст позволяет сохранить в условиях негации такие черты позитивных утверждений, как совершенный вид глагола, именительный падеж субъекта и объекта, неопределенные местоимения, он мешает лексикализации отрицания, его слиянию с семантикой глагола [16]. Отмечалось также, что элиминирующее отрицание само по себе лишено каких-бы то ни было импликаций относительно реального положения дел [17].

Цитация тем явственней, чем меньше координировано отрицаемое слово или выражение со своим окружением и чем более оно индивидуально. В обычном, «смысловом» возражении цитация не ощущается: И это не беда, что у нее нет воли, чтобы с нами справиться. *Нужна совсем не воля*, как думает Бегемот, а *интерес* (В. Каверин); Я говорю: — Как же так? Это же произведение искусства. А он: — *Это халтура, а не произведение искусства* (В. Каверин). Однако если бы в последнем, например, диалоге фигурировало сколько-нибудь необычное или субъективно-оценочное наименование, оно приобрело бы цитатный характер: — Это же блеск, чудо, шедевр века! — *Это халтура, а не «чудо» и не «шедевр века*.

Цитация проступает в тех случаях, когда возражение направлено не только и не столько против нейтрального, объективного смысла высказывания, сколько против высказывания, взятого как со стороны смысла, так и со стороны формы выражения, а иногда только против этой последней: — Держи 75. — Пожалуйста. — Не «пожалуйста», а «есть держать 75»; — Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей. — Пушкина хоть бы перевирайте. Не «больше», а «легче» нравимся мы ей.

Коль скоро сохраняется связь способа выражения с тем говорящим субъектом, который первым и единственным применил его к данному случаю, его слова будут выпадать из высказывания, произносимого другим лицом. Цитация связана с отстранением говорящего не только от точки зрения, но и от самой речевой манеры оппонента. Она легко просматривается в употреблении типа: *Он не сожрал обед* (как ты выражаешься), *а съел его*; *Это не деревушка* (как ты называешь), *а районный центр*; *Мы не предки*, как ты любишь называть нас в разговорах с твоими приятелями, *а твои родители*.

Цитация в конструкциях контрастивного отрицания может сопровож-

даться вводными ремарками типа «как ты выражаешься», «как ты говоришь», «как ты называешь», но гораздо реже ее спутниками являются указания на мир мыслей — «как ты думаешь», «как ты считаешь».

Связь контрастивного отрицания с диалогической цитацией проявляет себя в его соотношенности с *почему*-репликами, рассмотренными выше — Вы уезжаете прямо сегодня? — спросил я. *Почему «вы»?* Я еду один = Не «вы», а я; Это ты сделал? — *Почему это я?* Петька = Не я, а Петька. Такое преобразование возможно в тех случаях, когда *почему*-реплика базируется не на глагольном сказуемом и к ней присоединен снимающий семантическую неопределенность позитивный ответ, который может составить второй — позитивный — компонент контрастивной конструкции. Если же *почему*-реплика основана на глаголе, то преобразование заблокировано по причине избыточности позитивной части и «неудобных» отношений между контрастивным и нейтральным отрицанием: Что-нибудь случилось? — *Почему случилось? Ничего не случилось* (\neq *Не случилось, а не случилось); Ничего не случилось? — *Почему не случилось? Случилось* (*Не не случилось, а случилось).

Приведенные наблюдения, как представляется, дают основания для привлечения контрастивного отрицания к анализу диалогической цитации. Вместе с тем не оставляет сомнения, что это явление выходит далеко за пределы диалогической среды: контрастивное отрицание можно встретить в любом тексте, но оно всегда вносит в него ту или другую меру диалогичности.

В заключение нам хотелось бы остановиться на некоторых вопросах связности диалога. За недостатком места изложим наши соображения в тезисной форме.

1. Целесообразно различать: 1) собственно связность диалога, понимаемую как соответствие реакции диалогическому стимулу, «согласование реплик по иллокутивной функции» [15, с. 306], при котором за вопросом должен следовать ответ, за упреком или обвинением оправдание, за директивным речевым актом обещание (согласие), отказ или действие и т. п.; соотношение реплик в этом случае соответствует программе диалога; 2) связность, понимаемую в широком смысле, т. е. смысловую соотношенность реплик при том, что диалогическая реакция не удовлетворяет коммуникативному запросу собеседника, нарушая программу диалога; таковы реплики, ориентированные на пресуппозиции высказывания [15, с. 311—312], словоупотребление, тон речи, прагматические условия речевого акта и т. п.; рассмотренные выше цитатные вопросы в большей части относятся к этой категории.

2) Преобладание первого или второго типа связности, а также выбор способа связи реплик зависит от типа диалогического общения. Информативный диалог требует удовлетворения коммуникативного стимула. Взаимоинформирующий диалог, происходящий между знакомыми, следует нежесткой социальной программе, согласно которой собеседники должны сообщить друг другу о наиболее важных событиях своей жизни. Если собеседник не спрашивает, то его «контрагент» все равно сообщает, реплики в этом случае могут вовсе не быть между собой связаны, хотя говорящие часто стремятся придерживаться аксиологического согласования сообщений; ср.: 1) — У меня сын провалился на экзамене. — А у меня теща сломала ногу; и 2) — У меня дочь вышла замуж. — А у меня сын защитил диссертацию. Аксиологическое согласование может привести к вырождению взаимоинформирующего диалога во взаимные жалобы или в обоюдное хвастовство. В этих случаях в репликах производится аксиологическое контрастирование ситуации говорящего с ситуацией адресата, ср. в детском стихотворении С. В. Михалкова «А что у вас?»: — А у меня в кармане гвоздь, а у вас? — А у нас сегодня гость. А у вас? — А у нас сегодня кошка родила вчера котят. Котята выросли немножко, А есть из блюда не хотят. — А у нас на 'кухне газ. А у вас? — А у нас водопровод. Вот... — А из нашего окна Площадь Красная видна. А из вашего окошка Только улица немножко и т. д.

Такого рода диалог может состоять из автономных реплик, но он следует некоторому сценарию, принятому для данного жанра общения. В рекогносцировочном диалоге реплики связаны предикатами, переменной величиной в них является субъект (— Я люблю зиму. — А я — лето). В обсуждении с целью принятия решения или выработки некоторой позиции, точки зрения реплики скреплены общей темой, тезисом, но различаются своими «модусами», отношением к теме, а также теми доводами, которыми обосновывается каждая точка зрения (ср. в «Мертвых душах» обсуждение вопроса о том, выгодно ли покупать на вывод крестьян; одни утверждали, что дело это ненадежное, так как на новых землях в южных губерниях нет реки, а другие говорили, что дело это небезнадежное, так как «русский человек способен ко всему и привыкнет ко всякому климату»). Наконец, развлекательный разговор строится по принципу концертной программы. В нем действует принцип аналогии в соединении реплик-выступлений, а иногда и аналогия оказывается весьма проблематичной: — Но нигде я не ел лучшего пирога, как в Вене у голландского посланника. Это, я вам скажу, был *генерал* и главнокомандующий всех пирогов. — Могу представить, — осклабился толстяк, — я тоже знавал одного *генерала*, он был мне даже отдаленный родственник (М. Харитонов).

3. От жанра общения зависит и степень запрограммированности диалогических реакций, т. е. связанность реплик, устанавливаемая иллюкативной силой, или их свободное смысловое взаимодействие. Наиболее недвусмысленный речевой стимул содержится в вопросах и директивных речевых актах. Поэтому всякая словесная реакция на них будет интерпретироваться в связи со стимулом: — Тебя отпустил дежурный командир? — Сегодня Колышкин дежурит. Это означало: «Не у Колышкина же мне спрашиваться» (Ф. Вигдорова). Казалось бы не связанная с вопросом реплика заключает в себе не только отрицательный ответ, но и мотив, по которому говорящий не был отпущен и даже не просил разрешения. Однако уже обычное повествовательное предложение часто содержит весьма слабый и неоднозначный речевой стимул. Разброс возможных реакций на сообщение может оказаться весьма велик. Выбор наиболее адекватной реакции во многом определяется самим жанром общения. Так, например, в информативном диалоге неуместно запрашивать основания истинности сообщения, т. е. пропозициональная установка должна в этом случае интерпретироваться как знание, а не как мнение; в неофициальном разговоре, в котором выражаются точки зрения и предположения, сообщение может «законно» вызвать вопрос, направленный на пропозициональную установку полагания (— Андрей, вероятно, откажется от этого предложения. — Ты так считаешь? — Почему ты так думаешь?). Если говорящий хочет получить на свое сообщение вполне определенный отклик, он сопровождает его стимулирующим вопросом: Мне не понравился этот фильм, *а тебе?* Я отдыхал в Крыму, *а ты где?* Мой сын увлекается детективами, *а твой?* Мой сын увлекается детективами; *это плохо, как ты думаешь?* Мой сын увлекается детективами. *У тебя нет случайно детективов Агаты Кристи?* Мой сын увлекается детективами; *как бы заставить его читать серьезные книги?* В рамках межличностной праздноречевой деятельности наиболее желательна для говорящего реакция, отвечающая условию согласия (единомыслия и «единочувствия»). Адресат должен принять приглашение к сопереживанию. Ожидается, что он так или иначе выразит свое сочувствие (со-радость, со-восхищение, со-возмущение и т. п.). «Отпадение» от точки зрения говорящего не столь закономерно в этом случае, как в обсуждении практического или теоретического вопроса, а также как отрицательный ответ в информативном диалоге.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шведова Н. Ю. К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы. — ВЯ, 1956, № 2.
2. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
3. Арутюнова Н. Д. Некоторые типы диалогических реакций и *почему*-реплики в русском языке. — ФН, 1970, № 3.

4. *Балаян А. Р.* Основные коммуникативные характеристики диалога: Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1971.
5. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. Гл. 5. М., 1963.
6. *Бахтин М. М.* Слово в романе.— В кн.: *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
7. *Лотман Ю. М.* Роман Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий, Л., 1983.
8. *Сахарова Н. Ю.* Некоторые вопросы передачи речи.— Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1964, т. 241.
9. *Якобсон Р.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол.— В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
10. *Шмелев Д. Н.* О некоторых особенностях употребления вопросительных местоимений и наречий в разговорной речи.— Русский язык в национальной школе, 1959, № 6.
11. *Винокур Т. Г.* О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи: Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1953.
12. *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Диалогические функции некоторых типов вопросительных предложений.— ИАН СЛЯ, 1982, № 4.
13. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
14. *Баранов А. Н., Кобозева И. М.* Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки).— ИАН СЛЯ, 1983, № 6.
15. *Падучева Е. В.* Прагматические аспекты связности диалога.— ИАН СЛЯ, 1982, № 4.
16. *Богуславский И. М.* Отрицание и противопоставление.— В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1980. М., 1982.
17. *Lasnik H.* On the semantics of negation.— In: Contemporary research in philosophical logic and linguistic semantics. Dordrecht, 1975.